

Последнее время в жизни Фу Цзяньси царил покой. Фу Тяньюй после своего ухода больше не появлялся, да и важные господа из Лазурного моря и облачного неба наконец притихли.

Занятия, живопись, подработка — эта рутина крутилась колесом недели три, и Цзяньси снова поддался иллюзии, будто жизнь чертовски хороша.

Но мечта рассыпалась в прах, не простояв и двух дней.

Сначала в пятницу вечером он столкнулся с Фан Юем. Того по-прежнему сопровождал Толстяк Ван, а третьей в их компании была деловитая женщина лет сорока. В отдельном кабинете троица на этот раз вела себя прилично, но Фан Юй то и дело бросал на Цзяньси такие взгляды, что тому безумно хотелось заехать ему по голове пивной бутылкой.

На следующий день, в субботу после полудня, в дверь снова постучали коллекторы. Все те же унылые расспросы: «Фу Тяньюй дома?», «Точно нет?», «А соседи видели, как он входил!»

К счастью, вели они себя куда приличнее, чем в прошлый раз — потоптались у ворот, поспрашивали и убрались восвояси.

Настоящий сюрприз ждал его на третий день. В воскресенье в обед на телефон Цзяньси пришел вызов с незнакомого номера. Это были коллекторы.

— Фу Тяньюй у нас. Слышь, парень, подгребай, перетереть надо, — раздался в трубке неторопливый, тяжелый мужской голос.

Цзяньси на секунду опешил. Сначала решил, что это телефонные мошенники, но тут же подумал: какая к черту разница? В любом случае его это не касается. Спустя пару секунд молчания он просто нажал на отбой.

Меньше чем через две минуты пискнуло входящее. MMS-сообщение.

"Кто в наше время шлет MMS? Идиоты"

Следом прилетела обычная эсэмэска: «Это Мэй Цзюнь». Ни здравствуйте, ни точки на конце.

Цзяньси и сам не знал почему, но поверил. Он открыл медиафайл. На экране отобразилось избитое лицо Фу Тяньюя — живого места нет, отделали его знатно.

Цзяньси нахмурился и прищурился.

Эти отморозки явно не знают берегов. Но какой смысл? Даже если они забьют Тяньюя до

смерти, денег у него от этого не прибавится.

И зачем тогда его калечить?

Не проще ли было сразу продать его на галеры куда-нибудь за границу на принудительные работы? Меньше возни, быстрее долг закроет.

А если переломать ему кости, он же работать не сможет. Чистый убыток.

Цзяньси отложил телефон и принялся лениво листать лежащий перед ним художественный альбом. Он зацепился взглядом за свежий разворот. Какая-то абстракция. Настолько дикая, что он невольно усомнился, действительно ли учится на отделении масляной живописи. Глядя на эту мешанину, он всерьез засомневался в собственном рассудке.

Хаос на холсте не имел ничего общего с искусством. Сплошная мазня.

Впрочем, в голове у него творился точно такой же кавардак.

Мэй Цзюнь.

За все пять лет, что коллекторы преследовали Фу Тяньюя, Мэй Цзюнь лично появлялся перед Цзяньси лишь дважды.

В первый раз он без лишних слов уволок из поминального зала своего полузабитого шестерку.

Во второй — месяц назад, когда внезапно нагрянул к нему домой в поисках беглого должника.

И вот сегодня присылает эти сообщения. Чего он добивается?

Телефон на столе требовательно зажужжал.

Аппарат упрямо вибрировал прямо на раскрытом альбоме. Цзяньси скользнул взглядом по экрану — звонил тот же абонент. На этот раз раздумывать он не стал. Снял трубку.

— Давай дуй сюда, подпишешь бумаги. Оформляем твоего папашу на заграничные работы, без подписи родственника никак. Будь на месте до четырех, адрес скину эсэмэской, — заговорил Мэй Цзюнь. Голос его звучал на удивление спокойно и буднично.

— А если не подпишу? Неужели у вас нет других способов выпихнуть его из страны? — Цзяньси сразу почувствовал подвох. Мэй Цзюнь держал его за идиота.

Да будь у Тяньюя хоть трижды чистая биография или полное отсутствие родни, для человека с возможностями Мэй Цзюня состряпать липовые документы и вывезти должника за кордон — плевое дело. К чему этот цирк? Сказал бы прямо, что нужно.

— Конечно, сможем, — хмыкнул Мэй Цзюнь, и в его голосе прорезались довольные, насмешливые нотки.

Цзяньси промолчал. Он искренне не понимал, что именно в его реплике так развеселило бандита.

— Но в таком случае мне придется сначала сломать ему ногу. И вернется ли он оттуда на своих двоих — большой вопрос, — добавил Мэй Цзюнь, и его тон мгновенно растерял всю веселость, став ледяным и угрожающим.

Теперь Цзяньси окончательно убедился: на том конце провода действительно стоял вожак коллекторов.

— Буду через час. Скидывай адрес, — бросил Цзяньси и прервал вызов.

Экран погас. Цзяньси еще долго сидел неподвижно, сжимая в руке трубку. Наконец он отвел взгляд от черного глянца дисплея и снова уставился на абстрактную мазню, которая еще пять минут назад вгоняла его в тоску.

Теперь он, кажется, уловил суть. С первого взгляда — бессистемный хаос.

Никаких четких пропорций, никакого осязаемого смысла. Безумный вихрь красок, где сквозь глухую тьму пробивались резкие, неоновые штрихи и точки. Все предельно просто: чтобы не сойти с ума, не нужно пытаться объять картину целиком. Достаточно сфокусироваться на одной точке, одной линии, одной детали.

Пискнуло входящее сообщение. Цзяньси закрыл художественный альбом, убрал его на полку и поднялся, чтобы переодеться. Пора было отправляться на выставку этого жизненного авангарда. Пора взглянуть на ту самую «точку».

Посмотрим, разберется ли он в ней на этот раз.

Место, указанное в сообщении, находилось неподалеку, прямо на противоположном берегу реки Циньхэ, практически симметрично его собственному дому. Нужно было лишь переехать мост — контора коллекторов располагалась в новеньком бизнес-центре посреди старых кварталов.

Ирония судьбы: контора вышибал, промышляющая рэкетом, разбоем и нелегальными кредитами, преспокойно арендует офис в элитном небоскребе в самом сердце делового района.

Цзяньси припарковал свой верный Да-Хэй под дизайнерским навесом у торца здания. Отойдя на пару шагов, он обернулся: стильный футуристичный козырек на удивление гармонично сочетался с брутальным силуэтом его железного коня.

Выходной день наложил свой отпечаток — в просторном вестибюле первого этажа не было ни души, если не считать скучающего охранника на ресепшене.

Теперь понятно, почему Мэй Цзюнь назначил встречу именно на воскресенье. Даже для откровенного беспредела нужны мозги.

Лифт мягко звякнул, отсчитав двадцать шесть этажей. Цзяньси сверился с часами — прошел ровно час, секунда в секунду. Створки разъехались, и перед ним предстал классический громила: черная футболка, черные тактические штаны и тяжелый, оценивающий взгляд.

У этих вышибал и телохранителей, похоже, существовал единый корпоративный стандарт: глухой траур в одежде и каменное лицо вечного запора. Видимо, профессиональная деформация.

Громила молча смерил гостя взглядом с ног до головы. Не обнаружив ничего подозрительного, он небрежно мотнул головой, увлекая Цзяньси за собой.

Они миновали пустой опенспейс — небольшое помещение, рассчитанное от силы на три десятка сотрудников. Невысокие пластиковые перегородки не мешали обзору, так что пространство просматривалось насквозь.

Двери по обе стороны длинного коридора были плотно закрыты. За все время пути Цзяньси не встретил ни души, кроме своего немногословного проводника.

В самом тупике коридора они остановились перед массивной двустворчатой дверью из темного дерева. Громила без стука толкнул створки.

Цзяньси сделал пару шагов внутрь и замер у самого порога. Он предпочитал оставаться поближе к выходу — так безопаснее. Если запахнет жареным, пути к отступлению будут открыты.

Просторный кабинет площадью около сорока квадратов дышал холодной роскошью. За массивным столом из темного ореха восседал Мэй Цзюнь, увлеченно листая что-то в смартфоне. На появление Цзяньси он даже не соизволил поднять глаз.

Напротив стола стояла мягкая кожаная группа. На широком подлокотнике одного из диванов примостился высокий, худощавый парень в очках. По углам кабинета непринужденно рассредоточились еще пятеро бойцов. Их позы казались расслабленными, но профессиональный взгляд уловил бы выверенность секторов обстрела.

За спинками диванов стоял потрепанный деревянный стул. На нем полулежал-полусидел Фу Тяньюй. Точнее, его насильно удерживали в вертикальном положении. Было очевидно, что сам он сидеть не в состоянии: голова безвольно упала на грудь, грязные, слипшиеся пряди волос закрывали лицо, на скуле и в углу рта запеклась кровь, а одежда превратилась в жалкие лохмотья.

Всего полмесяца прошло, а от человека ничего не осталось.

Глядя на это жалкое зрелище, Цзяньси не мог оставаться совсем уж равнодушным. Это было бы ложью.

Но в груди его колыхнулась вовсе не жалость или сыновняя любовь. Только глухая, беспросветная тоска и полное непонимание.

Как можно добровольно низвести себя до такого скотского состояния?

Здоровый, крепкий мужик собственными руками превратил свою жизнь в сплошную помойку.

Быстро оценив обстановку, Цзяньси отвел взгляд от отца и перевел его на Мэй Цзюня.

Главарь шайки продолжал ухмыляться в экран своего смартфона с каким-то загадочным видом. Казалось, виртуальный мир интересовал его куда больше, чем происходящее в собственном кабинете.

"Престарелый геймер, черт бы его драл"

А бандит действительно строчил сообщение за сообщением, его пальцы так и летали по клавиатуре, а на лице блуждала довольная ухмылка. Он переписывался в WeChat.

[Мэй-е не убивает: «Прикатил! А малый-то хорош собой. Раньше я только долги тряс, не присматривался, а пацан реально смазливый. Не чета твоему вкусу»]

[NPC Фан: «Потише там. Смотри не напугай его»]

[Мэй-е не убивает: «Напугать? Да хрен там. Он у меня на пороге так встал, будто сейчас всю контору порешит. Я ему сегодня сам звонил, а он трубку бросил, даже слушать не стал. Никакого уважения к авторитетам! Подъедешь посмотреть?»]

[NPC Фан: «Раньше надо было говорить. Теперь уже без мазы. Если он меня с тобой увидит, мне ловить нечего»]

[Мэй-е не убивает: «Ссыкло. Ладно, тут другое дело есть, потом перетрем. У него папаша — редкостная тварь, чтоб он сдох»]

[NPC Фан: «М-гм»]

Завершив диалог, Мэй Цзюнь небрежно швырнул телефон на полированное дерево столешницы и сделал приглашающий жест, указывая на свободное кресло напротив.

Цзяньси не двинулся с места, проигнорировав сверлящие его взгляды присутствующих. На его лице не дрогнул ни один мускул.

— Просто любопытно, — ровным голосом произнес он. — Если вы его до смерти забьете, куда труп девать будете? В Циньхэ спустите?

— Ха-ха-ха! Ну ты даешь, паря, — хохотнул Мэй Цзюнь. — Фильмов про триады пересмотрел?

Невозмутимость парня искренне его позабавила. Глядя на то, как спокойно Цзяньси держится под прицелом стольких глаз, Мэй Цзюнь внезапно подумал, что Фан Юю этот орешек окажется не по зубам.

— Расслабься, мы люди ученые, рамки знаем. Инвалидность второй группы — это наш потолок. И калечить стараемся аккуратно, без фанатизма, не больше двух травм за раз. Мы ведь добропорядочные граждане, ходим под Богом, подставляем лица солнцу. Как у нас рука поднимется до смерти забить соседа? Правда ведь? — Мэй Цзюнь говорил мягко, но цепким, холодным взглядом не упускал ни единого движения Цзяньси.

Из этой тирады Цзяньси вынес лишь одно.

Перед ним стоял начитанный бандит. Главарь с юридическим ликбезом за плечами.

Ему бы лекции читать, так складно вешал лапшу на уши.

Хоть сейчас грамоту выписывай за вклад в гуманизм.

Заметив, что парень не спешит поддерживать светскую беседу, Мэй Цзюнь сделал паузу и, прищурившись, добавил:

— К тому же наши дорогие клиенты — люди на редкость сознательные. Если кто случайно споткнется или упадет, разве у них совесть позволит свалить вину на честных коллекторов? Ну ведь так?

С этими словами он едва заметно кивнул громиле, стоявшему над Фу Тяньюем.

Здоровяк тут же убрал тяжелую ладонь с плеча заложника. Тело Тяньюя покачнулось, теряя опору. Но упасть самому ему не дали — громила с размаху впечатал тяжелый ботинок ему в бедро.

Тяньюй кулем рухнул на пол. У него не хватило сил даже выставить руки, чтобы защитить голову, и он с глухим стуком приложился лицом о паркет.

Раздался тяжелый, влажный шлепок обмякшей плоти.

— ... Уб-блюдки... твари... кхм, — прохрипел Тяньюй, заходясь кашлем и сплевывая кровь на пол. Его тело мелко дрожало, он безуспешно пытался опереться на локти. Из разбитого рта лился бессвязный, грязный мат.

— Сяо Цзю, объясни гражданину, кто тут тварь и ублюдок, — Мэй Цзюнь медленно поднялся, упершись ладонями в стол, и брезгливо поморщился, глядя на копошащееся на полу тело. — А то ишь, развонялся. Мы в цивилизованном обществе живем, надо следить за базаром.

— Будет сделано, Брат Мэй, — отозвался худощавый парень в очках.

Он лениво соскользнул с подлокотника дивана и указал пальцем на колченогий стул, с которого только что свалился Тяньюй. Он холодно скользнул взглядом по извивающемуся на полу должнику.

Стоявший за спиной Тяньюя амбал мгновенно понял команду. Он легко, одной рукой перехватил тяжелый стул за спинку. Цзяньси на мгновение оцепенел, осознав, что сейчас произойдет. Он резко вскинул голову на Мэй Цзюня, но тот лишь издевательски прищурился в ответ.

— А... — дикий, захлебывающийся вопль Тяньюя слился с глухим, костедробительным треском ломающегося дерева. Стул разлетелся в щепки, осыпав пол обломками ножек и сиденья.

Когда Цзяньси снова повернулся к отцу, тот уже лежал неподвижно. Его спину и раскинутые руки усеивали острые деревянные обломки. Картина застыла, время словно остановилось.

В памяти Цзяньси всплыл тот самый дикий холст из альбома. Неподвижные точки, хаотичные линии и рваные плоскости — все идеально ложилось на этот кошмарный натюрморт из человеческого мяса и обломков мебели.

И посреди всего этого хаоса Фу Тяньюй теперь играл роль той самой неподвижной точки.

<http://bllate.org/book/18325/1759337>